Журнал "Научное Образование"
Издаётся с 2018г.

ISSN 2658-3429
www.na-obr.ru

Ежедневник "Научное Образование"

№ 14(40)2026
13.10.2026г.

В номере:

Автор: Аляпкина Мария Сергеевна
Статьи:
- "Судьба пророгационной оговорки при недействительности основного договора"
- "Договорная подсудность в потребительских спорах: баланс интересов и пределы автономии воли"

12+

УДК 082

ББК 76.02

Н346

Ежедневник журнала "Научное Образование" № 14(40)2026 от 13.10.2026г.

(срочный внеплановый выпуск журнала "Научное Образование")

ISSN 2658-3429

Свидетельство о регистрации СМИ сайта www.na-obr.ru:

ЭЛ № ФС 77 - 74050 от 19.10.2018г. выдано Роскомнадзором РФ

Договор с ООО "НЭБ" (eLIBRARY.RU): № 460-11/2018 от 21.11.2018г.

eLIBRARY ID: 88747326 EDN: JMSDWM

Санкт-Петербург, Издательство "Лучшее Решение", 2026г.

Издатель: ООО "Лучшее Решение" (ОГРН: 1137847462367, ИНН: 7804521052)

E-mail: lu_res@mail.ru

Главный редактор: Алексеев А.Б.

Журналы и Ежедневники издаются только в современном электронном виде и доступны для скачивания на сайте www.na-obr.ru

Возрастная категория: 12+

Все статьи, размещенные в журнале и на сайте na-obr.ru, созданы авторами, указанными в статьях, и представлены исключительно для ознакомления. Ответственность за содержание статей и за возможные нарушения авторских прав третьих лиц несут авторы, разместившие материалы. Мнение авторов может не совпадать с точкой зрения редакции.

Любое копирование материалов с сайта na-obr.ru и/или из номеров журнала без ссылки на сайт www.na-obr.ru запрещено!

ISSN 2658-3429

9 772658 342009 >

Судьба пророгационной оговорки при недействительности основного договора

The fate of a prorogation clause in the event of the invalidity of the underlying contract

Автор: Аляпкина Мария Сергеевна

Уральский филиал ФГБОУВО «РГУП им. В.М. Лебедева», г. Челябинск Россия

Alyapkina Maria Sergeevna

Ural Branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, Chelyabinsk, Russia

Аннотация: В статье автор исследует проблему, касающуюся судьбы соглашения о договорной подсудности в ситуации, когда основной договор, составной частью которого является пророгационная оговорка, признаётся недействительным. Проводится разграничение оснований недействительности сделки по критерию их влияния на формирование воли сторон относительно выбора компетентного суда. Обосновывается положение о том, что пророгационное соглашение обладает ограниченной автономией и не следует автоматически судьбе основного договора, если порок последнего не затрагивает непосредственно волю сторон на изменение подсудности. Рассматриваются процессуальные последствия сохранения либо утраты силы оговорки на различных стадиях судебного разбирательства, а также формулируются предложения по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики.

Abstract: In this article, the author examines the issue concerning the fate of a contractual jurisdiction agreement in a situation where the underlying contract—of which the prorogation clause forms an integral part—is declared invalid. The grounds of invalidity of a transaction are differentiated according to their impact on the formation of the parties' will regarding the choice of a competent court. The author substantiates the proposition that a prorogation agreement possesses limited autonomy and does not automatically follow the fate of the principal contract, unless the defect of the latter directly affects the parties' will to alter jurisdiction. The procedural consequences of preserving or losing the force of the clause at various stages of judicial proceedings are considered, and proposals for improving legislation and judicial practice are formulated.

Ключевые слова: пророгационная оговорка, недействительность договора, автономность соглашения, договорная подсудность, процессуальные последствия.

Keywords: prorogation clause, contract invalidity, autonomy of agreement, contractual jurisdiction, procedural consequences.

Тематическая рубрика: Юриспруденция.

Институт договорной подсудности традиционно рассматривается как одно из проявлений диспозитивного начала в цивилистическом процессе. Стороны материального правоотношения наделены правом по своему усмотрению изменить территориальную подсудность дела до момента принятия заявления судом к производству. Однако за внешней простотой данного института скрывается сложная теоретическая проблема, не получившая на сегодняшний день единообразного разрешения ни в доктрине, ни в правоприменительной практике: какова судьба пророгационной

оговорки, если основной договор, составной частью которого она является, признаётся недействительным?

В международном коммерческом обороте аналогичная проблема применительно к арбитражной оговорке разрешается на основе доктрины автономности арбитражного соглашения, согласно которой арбитражная оговорка сохраняет силу даже при недействительности основного контракта. В доктрине гражданского процессуального права отмечается, что пророгационное соглашение по своей природе близко к арбитражному соглашению, поскольку оба института опосредуют реализацию принципа диспозитивности. Однако в отношении пророгационного соглашения, изменяющего подсудность государственного суда, аналогичная доктрина в отечественном праве не сформирована. Законодатель прямого ответа на поставленный вопрос не даёт, а судебная практика не отличается единообразием.

Пределы этой автономии определяются характером порока, послужившего основанием недействительности: если порок затрагивает непосредственно волю сторон на выбор компетентного суда, оговорка утрачивает силу; если же порок относится исключительно к основному обязательству, соглашение о подсудности сохраняет действие.

Для разрешения вопроса о судьбе пророгационной оговорки необходимо прежде всего определить её правовую природу. В доктрине сложились три основные концепции. Согласно материально-правовой концепции, соглашение о подсудности представляет собой гражданско-правовую сделку, подчиняющуюся нормам о сделках, включая правила о недействительности. Согласно процессуальной концепции, такое соглашение имеет публично-правовую природу, поскольку его целью является изменение компетенции государственного суда, а потому нормы материального права о сделках к нему неприменимы напрямую. Согласно смешанной концепции, пророгационное соглашение сочетает элементы частноправовой сделки и процессуального юридического факта.

Наиболее убедительной представляется смешанная концепция, поскольку она позволяет объяснить, как форму, так и последствия заключения пророгационного соглашения. Форма и порядок заключения подчиняются нормам о сделках, тогда как правовые последствия лежат в сфере процесса: изменяется компетенция суда, и стороны приобретают право требовать рассмотрения дела в согласованном суде.

Из смешанной природы вытекает и автономность оговорки. Автономность означает, что действительность соглашения о подсудности подлежит самостоятельной оценке, не совпадающей с оценкой действительности основного договора. Однако автономность не является абсолютной: она ограничена теми случаями, когда порок основного договора распространяется на формирование воли сторон по выбору суда.

Обоснование автономности пророгационной оговорки опирается на несколько теоретических доводов. Первый довод — функциональный: цель оговорки состоит в определении компетентного суда, а не в регулировании материального обязательства, поэтому прекращение обязательства не лишает цель оговорки значения. Второй довод — волевой: если стороны явно и недвусмысленно выразили волю на рассмотрение споров, связанных с договором, в согласованном суде, эта воля не может быть проигнорирована лишь потому, что сделка оказалась недействительной. Третий довод — процессуальный: признание автоматического прекращения оговорки привело бы к тому, что вопрос о подсудности зависел бы от исхода материального спора, что противоречит принципу процессуальной определённости.

Ключевым для разрешения поставленной проблемы является разграничение оснований недействительности основного договора по критерию их влияния на соглашение о подсудности. Представляется возможным выделить три группы оснований.

Первая группа объединяет основания, относящиеся исключительно к основному обязательству и не затрагивающие формирование воли на выбор суда. К ним относятся, в частности, несоблюдение требований закона о содержании сделки, отсутствие необходимого согласования существенных условий, нарушение требований о форме основного договора. В таких случаях пророгационная оговорка сохраняет силу, поскольку воля сторон на её заключение формировалась свободно и осознанно.

Вторая группа охватывает основания, непосредственно затрагивающие волю сторон на заключение соглашения о подсудности. К ним относятся обман, насилие, угроза, а также стечение тяжёлых обстоятельств. Если воля стороны на заключение договора была порочной, этот порок распространяется и на пророгационную оговорку, поскольку она является составной частью того же волеизъявления. В таких случаях автономность оговорки уступает место принципу единства воли, и соглашение о подсудности подлежит признанию недействительным.

Третья группа включает основания, требующие дифференцированного подхода. Например, при мнимой или притворной сделке необходимо установить, имели ли стороны намерение создать правовые последствия в части подсудности. Если стороны заключали договор без намерения создать соответствующие правовые последствия, пророгационная оговорка также не может считаться заключённой, поскольку отсутствует подлинная воля на выбор суда. Напротив, при нарушении требований о форме сделки вопрос решается в зависимости от того, соблюдена ли форма самого соглашения о подсудности.

Отдельного рассмотрения заслуживает ситуация, когда основной договор признан недействительным по причине отсутствия полномочий у подписанта. Представляется, что судьба пророгационной оговорки в таком случае зависит от того, одобрила ли представляемая сторона договор в целом или его условие о подсудности. Если договор впоследствии одобрен стороной, соглашение о подсудности также считается заключённым.

Разграничение оснований недействительности порождает различные процессуальные последствия, значимые для каждой стадии судебного разбирательства.

Если пророгационная оговорка сохраняет силу, спор о недействительности основного договора рассматривается судом, избранным сторонами. Это означает, что истец обращается с иском о применении последствий недействительности сделки в согласованный суд, а ответчик не вправе заявлять возражения против подсудности со ссылкой на недействительность договора. Такой подход обеспечивает стабильность соглашения и предсказуемость процесса.

Если соглашение о подсудности утрачивает силу, применяются общие правила подсудности, а выбранный сторонами суд обязан передать дело по подсудности. Существенно, что утрата силы оговорки не влечёт прекращения производства: дело передаётся в надлежащий суд, который рассматривает его по существу.

Особого внимания требует вопрос о моменте, с которого оценивается действительность оговорки. Представляется обоснованным исходить из того, что действительность оговорки оценивается на момент её заключения. Однако стороны могут оспорить оговорку и в ходе процесса, если заявляют о её незаключённости или недействительности. В этом случае суд проверяет соответствующие возражения и при необходимости назначает экспертизу.

Дискуссионным является вопрос о процессуальном положении оговорки при частичной недействительности договора. Если стороны оспаривают лишь то условие, которое не связано с оговоркой, последняя сохраняет силу, и дело рассматривается в согласованном суде. Напротив, если недействительным признано условие, неразрывно связанное с оговоркой, например условие о

цене, размер которой предопределил выбор суда, автономность оговорки может быть поставлена под сомнение.

Автономность пророгационной оговорки не может преодолеть императивные правила исключительной подсудности. Если спор относится к категории дел, рассматриваемых исключительно судом, определённым законом, оговорка недействительна независимо от судьбы основного договора. При этом в доктрине обоснованно указывается, что императивные правила исключительной подсудности представляют собой предел автономии воли сторон в цивилистическом процессе. Однако здесь возникает вопрос: сохраняет ли автономность оговорка, которая изначально соответствовала требованиям закона, но после признания договора недействительным спор приобрёл характер, влекущий исключительную подсудность?

Представляется, что изменение характера спора не преобразует соглашение сторон. Например, если стороны согласовали подсудность спора о взыскании задолженности, а впоследствии договор признан недействительным, требование о применении последствий недействительности не является вещным иском о правах на недвижимость, даже если исполнение по сделке было связано с недвижимым имуществом. Следовательно, оговорка сохраняет силу, а исключительная подсудность не применяется.

Иной подход применялся бы при недействительности договора купли-продажи недвижимости, если спор касается признания права собственности. В таком случае императивные правила исключительной подсудности вытесняют договорную оговорку, и дело рассматривается по месту нахождения недвижимости.

Судебная практика по рассматриваемому вопросу не отличается единообразием. Условно можно выделить два подхода. Первый подход исходит из того, что при недействительности основного договора пророгационная оговорка также утрачивает силу, поскольку она является его составной частью. Второй подход, напротив, признаёт автономность оговорки и сохраняет её действие.

Представляется, что противоречивость практики обусловлена отсутствием законодательного закрепления автономности пророгационного соглашения. В отличие от арбитражного соглашения, в отношении которого принцип автономности сформирован в международном праве, пророгационное соглашение такого закрепления не получило.

Существенной проблемой является и отсутствие единого подхода к оценке возражений ответчика о недействительности оговорки на стадии принятия иска. Суды нередко отказывают в принятии иска либо возвращают его, ссылаясь на отсутствие доказательств согласования подсудности, тогда как проверка действительности оговорки требует исследования доказательств и не может быть осуществлена на стадии принятия. Представляется, что возражения о недействительности оговорки должны разрешаться в предварительном судебном заседании либо в ходе разбирательства, но не на стадии принятия иска.

Проведённый анализ позволяет обозначить следующие направления совершенствования.

Целесообразно дополнить процессуальное законодательство нормой, согласно которой недействительность основного договора не влечёт недействительности соглашения о подсудности, если пороки не относятся непосредственно к формированию воли сторон на выбор компетентного суда.

Формирование единообразной судебной практики предлагается обеспечить путём принятия обзора судебной практики по вопросам договорной подсудности. В таком обзоре следовало бы разграничить основания недействительности основного договора по критерию их влияния на оговорку.

Также требуется совершенствование правил о форме соглашения о подсудности применительно к договорам, заключаемым в цифровой форме, поскольку отсутствие надлежащей фиксации оговорки затрудняет разрешение вопроса о её действительности.

Судьба пророгационной оговорки при недействительности основного договора определяется характером порока, послужившего основанием недействительности. Если порок относится к основному обязательству и не затрагивает формирование воли сторон на выбор компетентного суда, соглашение о подсудности сохраняет силу в силу своей автономности. Если же порок затрагивает непосредственно волю сторон на заключение оговорки, соглашение утрачивает силу. Такой подход обеспечивает баланс между стабильностью соглашения о подсудности, предсказуемостью процесса и гарантией права на законный суд.

Предложенная модель требует законодательного закрепления и последовательного применения в судебной практике, что позволит преодолеть существующую неопределённость и обеспечить единообразие правоприменения. Результаты проведённого исследования показывают, что автономность пророгационной оговорки не является абсолютной и подлежит ограничению в случаях, когда порок воли распространяется на формирование соглашения о подсудности.

Список литературы:

1. Афанасьев С.Ф. Гражданское процессуальное право России: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2023. 816 с.
2. Валеев Д.Х. Процессуальные соглашения в гражданском и арбитражном судопроизводстве // Вестник гражданского процесса. 2022. Т. 12, № 3. С. 15–34.
3. Громошина Н.А. Дифференциация и унификация в гражданском судопроизводстве. М.: Проспект, 2022. 312 с.
4. Зайцев И.М. Процессуальные функции гражданского судопроизводства. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2021. 240 с.
5. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. А.Ф. Изварина. М.: Норма, 2023. 720 с.
6. Малешин Д.Я. Гражданская процессуальная доктрина России: история и современность. М.: Статут, 2022. 400 с.
7. Осокина Г.Л. Гражданский процесс. Общая часть. М.: Норма, 2022. 704 с.
8. Филиппов В.В. Соглашения в цивилистическом процессе: теория и практика. М.: Статут, 2023. 256 с.
9. Шеменева О.Н. Арбитражная оговорка и пророгационное соглашение: сравнительно-правовой анализ // Российский юридический журнал. 2021. № 4. С. 88–97.
10. Ярков В.В. Гражданский процесс: учебник. М.: Статут, 2022. 848 с.

Договорная подсудность в потребительских спорах: баланс интересов и пределы автономии воли

Contractual Jurisdiction in Consumer Disputes: Balancing Interests and the Limits of Party Autonomy

Автор: Аляпкина Мария Сергеевна

Уральский филиал ФГБОУВО «РГУП им. В.М. Лебедева», г. Челябинск Россия

Alyapkina Maria Sergeevna

Ural Branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, Chelyabinsk, Russia

Аннотация: В статье автор исследует проблему допустимости и пределов применения соглашений о договорной подсудности в спорах с участием потребителей. Обосновывается положение о том, что пророгационная оговорка, включённая в договор присоединения, заключённый между потребителем и профессиональным участником оборота, не может быть признана действительной, если она ухудшает процессуальное положение потребителя по сравнению с правилами подсудности, установленными законом. Проводится разграничение ситуаций, в которых соглашение о подсудности допустимо, и ситуаций, в которых оно представляет собой скрытую форму навязывания невыгодных условий. Анализируется соотношение принципа свободы договора, принципа диспозитивности в процессе и гарантий судебной защиты прав потребителя как слабой стороны правоотношения. Формулируются предложения по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики, направленные на достижение баланса интересов сторон потребительского спора.

Abstract: In this article, the author examines the issue of the admissibility and limits of applying agreements on contractual jurisdiction in disputes involving consumers. It is substantiated that a prorogation clause included in an adhesion contract concluded between a consumer and a professional participant in the market cannot be recognized as valid if it worsens the consumer’s procedural position compared to the rules of jurisdiction established by law. A distinction is made between situations in which an agreement on jurisdiction is permissible and situations in which it constitutes a hidden form of imposing unfavorable terms. The relationship between the principle of freedom of contract, the principle of dispositivity in the process, and the guarantees of judicial protection of the consumer’s rights as a weaker party in a legal relationship is analysed. Proposals are formulated to improve legislation and law enforcement practice, aimed at achieving a balance of interests between the parties to a consumer dispute.

Ключевые слова: договорная подсудность, потребительские споры, пророгационная оговорка, слабая сторона, договор присоединения.

Keywords: contractual jurisdiction, consumer disputes, prorogation clause, weaker party, adhesion contract.

Тематическая рубрика: Юриспруденция.

Институт договорной подсудности—механизм, позволяющий сторонам скорректировать территориальную подсудность спора. Традиционно трактуется как яркое воплощение диспозитивных начал цивилистического процесса. Право участников материального

правоотношения самостоятельно обозначить компетентный суд воспринимается как элемент свободы договора: стороны вправе сами определить, где будет разрешаться их конфликт.

Вместе с тем в сфере потребительских споров эта свобода существенно сдерживается. Причина кроется в изначальном дисбалансе возможностей: потребитель сталкивается с профессиональным участником оборота, располагающим заметно более широкими экономическими, организационными и правовыми ресурсами. Типичный договор между потребителем и продавцом (исполнителем, изготовителем) —это договор присоединения, в котором содержание формируется исключительно профессиональной стороной, а потребителю остаётся либо принять все условия целиком, либо вовсе отказаться от сделки. В подобной ситуации оговорка о подсудности, включённая в текст договора, фактически утрачивает признаки согласованного решения и становится условием, продиктованным слабой стороне.

В основе исследования лежит предположение, что пророгационная оговорка в потребительском договоре может считаться допустимой лишь при условии, что она не ослабляет процессуальные позиции потребителя. Границы автономии воли сторон здесь предопределены императивным характером гарантий судебной защиты потребителя: любое условие, которое лишает потребителя законной возможности обратиться в суд по установленным правилам, должно признаваться ничтожным, даже если оно формально зафиксировано в договоре.

Чтобы корректно оценить допустимость пророгационных оговорок в потребительском сегменте, важно понимать место правил подсудности в системе процессуальных гарантий. Закон о защите прав потребителей расширяет процессуальные возможности потребителя по сравнению с общими нормами гражданского судопроизводства: истец вправе предъявить иск по своему выбору — по месту нахождения ответчика, по месту жительства (пребывания) потребителя либо по месту заключения или исполнения договора. Эта конструкция альтернативной подсудности призвана нивелировать процессуальный дисбаланс: учитывая, что потребитель зачастую не располагает ресурсами для участия в разбирательстве в отдалённом суде, право выбора подсудности выступает инструментом поддержки слабой стороны.

Существенная особенность этой гарантии — её императивность. Законодательно установленные правила подсудности действуют в интересах потребителя и не подлежат отмене или ограничению по воле сторон, если это ухудшает положение потребителя. Как справедливо отмечает В. В. Филиппов, процессуальные гарантии защиты прав потребителя формируют особый правовой режим, выделяющий потребительские споры из общего массива гражданско-правовых конфликтов. В рамках этого режима свобода договора не носит абсолютного характера и подлежит корректировке ради защиты интересов слабой стороны.

Отсюда следует принципиальный вывод, что если в обычных гражданско-правовых отношениях стороны вправе свободно перераспределять подсудность, то в потребительских отношениях такая свобода изначально ограничена. Соглашение о подсудности не может подрывать гарантированные законом преимущества потребителя. Ключевой вопрос — как определить, ухудшает ли оговорка положение потребителя.

Одним из значимых критериев допустимости пророгационной оговорки выступает способ её фиксации. Формулировка оговорки должна быть такой, чтобы потребитель не просто теоретически имел возможность с ней ознакомиться, но и реально мог это сделать и осознанно выразить согласие. В договоре присоединения условия задаются одной стороной в стандартных формах, а другая сторона присоединяется к ним целиком, не участвуя в их формировании. В этих условиях оговорка о подсудности, помещённая в блок стандартных условий, не может считаться результатом подлинного согласования воли.

Из данной логики вытекают практические последствия. Во-первых, простого упоминания оговорки в тексте договора недостаточно, формулировка должна быть чёткой и недвусмысленной, поскольку любые неясности трактуются в пользу потребителя. Во-вторых, оговорка не должна маскироваться в малозначимых разделах договора или в приложениях, к которым у потребителя фактически нет доступа. В-третьих, при дистанционном заключении договора необходимо подтвердить, что потребителю была предоставлена реальная возможность ознакомиться с оговоркой до акцепта.

Особого внимания заслуживает включение пророгационных оговорок в публичные оферты на сайтах продавцов. Оформляя заказ, потребитель формально присоединяется ко всем условиям оферты, включая оговорку о подсудности. Однако такой акцепт не свидетельствует о действительном волеизъявлении на изменение подсудности: потребитель принимает пакет условий целиком, не имея возможности их корректировать. В подобных обстоятельствах оговорка может быть признана недействительной как условие, ограничивающее права потребителя.

Доктрина и практика исходят из того, что условия, ухудшающие положение потребителя относительно установленных законом правил, являются недействительными. Этот принцип полностью распространяется и на пророгационные оговорки. Если оговорка закрепляет подсудность по месту нахождения продавца (исполнителя) и тем самым лишает потребителя права подать иск по месту своего жительства, она фактически аннулирует одну из процессуальных гарантий и должна признаваться недействительной. При этом не имеет значения, воспользовался ли потребитель правом выбора подсудности на практике: невыгодность условия определяется его содержанием, а не дальнейшим поведением сторон. Оговорка становится недействительной уже в момент заключения договора, если она ухудшает положение потребителя, даже если негативных последствий фактически не возникло.

Иная ситуация возможна, когда оговорка расширяет возможности потребителя. Например, если она добавляет потребителю дополнительный вариант подсудности — скажем, по месту нахождения филиала продавца, — такое условие не ограничивает, а расширяет его процессуальные возможности и потому может считаться действительным.

Таким образом, допустимость оговорки в потребительском договоре можно сформулировать через единый критерий: оговорка правомерна, если она не ухудшает процессуальное положение потребителя по сравнению с нормами закона. В противном случае она подлежит признанию недействительной независимо от формы закрепления.

Этот критерий выводит на более широкий теоретический вопрос: как соотносятся автономия воли сторон и императивные процессуальные гарантии в потребительских спорах. Автономия воли — базовый принцип гражданского права, но он не безграничен: свобода договора сдерживается императивными нормами, а в отношениях с участием слабой стороны — ещё и специальными механизмами защиты. Потребительские отношения — классический пример такой асимметрии: сильная сторона формирует условия, а слабая вынуждена их принимать без возможности влияния.

Та же логика применима и к процессуальным соглашениям. Договорная подсудность — проявление диспозитивности, но она не должна становиться инструментом лишения потребителя гарантий судебной защиты. Императивные гарантии, установленные в интересах потребителя, не могут быть отменены соглашением сторон. При этом ограничение автономии воли в потребительских спорах не подрывает принцип свободы договора, а, напротив, поддерживает его подлинное значение: свобода предполагает реальную возможность согласования условий, а не формальное присоединение к навязанным формулировкам. Если оговорка фактически навязана потребителю, ссылка на свободу договора теряет смысл.

Соответственно, при рассмотрении возражений потребителя против оговорки суд должен оценивать не только её формальное оформление, но и реальные обстоятельства её включения в договор. Бремя доказывания того, что оговорка была согласована справедливо и не ухудшает положение потребителя, логично возлагать на профессионального участника оборота — именно он разрабатывает условия договора.

Судебная практика по допустимости пророгационных оговорок в потребительских спорах остаётся неоднородной, что отражает пробелы в законодательном регулировании. Условно можно выделить два подхода. Первый — формальный: если оговорка включена в договор и подписана (акцептована) потребителем, она признаётся действительной вне зависимости от её влияния на процессуальные права потребителя. Второй — сущностный: если оговорка ухудшает положение потребителя, она недействительна независимо от формы. Второй подход лучше согласуется с целями законодательства о защите прав потребителей и логикой процессуальных гарантий, однако отсутствие чёткого нормативного правила сохраняет неопределённость и даёт недобросовестным участникам возможность включать спорные оговорки, рассчитывая на пассивность потребителя.

Дополнительную сложность создаёт вопрос о моменте оценки действительности оговорки. Если она была включена в договор при его заключении и потребитель имел реальную возможность с ней ознакомиться, её оценивают по существу. Если же оговорка появилась позже в результате одностороннего изменения условий (что встречается в договорах с периодическим пересмотром), её обязательность для потребителя оценивается особенно строго: потребитель не участвовал в её формировании, и применение такой оговорки к нему требует дополнительных гарантий.

Серьёзной проблемой остаётся распределение бремени доказывания. Если действует презумпция согласованности оговорки, потребителю приходится доказывать, что условие было навязано, — а это практически недостижимо из-за асимметрии ресурсов сторон. Более справедливым представляется подход, при котором профессиональный участник оборота обязан доказать, что оговорка не ухудшает положение потребителя.

На основании проведённого анализа можно обозначить ряд направлений совершенствования правового регулирования. Прямое законодательное закрепление запрета на включение в потребительские договоры пророгационных оговорок, ухудшающих процессуальное положение потребителя, представляется необходимым. Целесообразно дополнить законодательство о защите прав потребителей соответствующей нормой.

Для формирования единообразной судебной практики предлагается принять обзор, в котором будут сформулированы критерии допустимости пророгационных оговорок в потребительских договорах. В таком обзоре следует разграничить оговорки, ухудшающие положение потребителя, и оговорки, его улучшающие.

Требуется закрепить правило о распределении бремени доказывания: обязанность доказать, что оговорка согласована справедливо и не ухудшает положение потребителя, должна возлагаться на профессионального участника оборота.

Необходимо также совершенствовать правила о форме соглашения о подсудности в дистанционных потребительских договорах. Следует закрепить требование о реальном доступе к оговорке — она должна быть визуально выделена и не скрыта в приложениях к оферте.

Кроме того, стоит усилить контрольные механизмы: органы защиты прав потребителей должны быть наделены полномочиями по выявлению типовых оговорок, ухудшающих процессуальное положение потребителя, а также по обращению в суд с требованиями о признании таких оговорок недействительными.

Договорная подсудность в потребительских спорах — это институт, в котором автономия воли сторон неизбежно ограничивается. Такое ограничение продиктовано не формальными соображениями, а самой природой потребительских отношений, где сильная сторона определяет условия, а слабая лишь присоединяется к ним.

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие выводы. Пророгационная оговорка в потребительском договоре допустима только в той части, в которой она не ухудшает процессуальное положение потребителя. Условие, привязывающее подсудность к месту нахождения профессионального участника и тем самым ограничивающее право потребителя на выбор суда, является недействительным: оно лишает потребителя процессуальной гарантии, предусмотренной законом. При этом недействительность оговорки определяется по её содержанию, а не по фактическому поведению сторон. Предложенная модель позволяет сохранить элементы свободы договора там, где она реальна, и пресекать её использование как инструмента формального ограничения прав слабой стороны. Дальнейшее развитие института договорной подсудности в потребительских отношениях требует не только законодательного закрепления этих правил, но и их последовательного применения в судебной практике, ориентированной на реальную защиту потребителя.

Список литературы:

1. Борисова Е.А. Проверка судебных актов по гражданским делам. М.: Городец, 2023. 384 с.

2. Громошина Н.А. Дифференциация и унификация в гражданском судопроизводстве. М.: Проспект, 2022. 312 с.

3. Жилин Г.А. Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы. М.: Проспект, 2021. 288 с.

4. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. А.Ф. Извариной. М.: Норма, 2023. 720 с.

5. Осокина Г.Л. Гражданский процесс. Общая часть. М.: Норма, 2022. 704 с.

6. Треушников М.К. Гражданский процесс: теория и практика. М.: Городец, 2021. 560 с.

7. Филиппов В.В. Соглашения в цивилистическом процессе: теория и практика. М.: Статут, 2023. 256 с.

Издательство "Лучшее Решение"

(ООО "Лучшее Решение" (ОГРН: 1137847462367, ИНН: 7804521052) - издатель журналов и сборников)

1. Публикации в периодических журналах в НЭБ (eLIBRARY.RU):

www.t-obr.ru - Журнал "Технологии Образования" (периодический журнал, ISSN 2619-0338, регистрация СМИ: ЭЛ № ФС 77 – 72890 от 22.05.2018г.). Статьи педагогической и образовательной направленности. Отправка статей в НЭБ (eLIBRARY.RU). Есть срочные публикации в Ежедневнике журнала "Технологии Образования" - ваш персональный журнал за 1 день.

www.na-obr.ru - Журнал "Научное Образование" (периодический журнал, ISSN 2658-3429, регистрация СМИ: ЭЛ № ФС 77 - 74050 от 19.10.2018г.). Статьи научной направленности в 16 тематических рубриках. Отправка статей в НЭБ (eLIBRARY.RU). Есть срочные публикации в Ежедневнике журнала "Научное Образование" - ваш персональный журнал за 1 день.

2. Публикации в периодических журналах:

www.1-sept.ru - Журнал "1 сентября" (периодический журнал, ISSN 2713-1416, регистрация СМИ: ЭЛ № ФС 77 - 77018 от 06.11.2019г.). Статьи педагогической и образовательной направленности. Журнал выходит ежемесячно. На сайте журнала публикуются презентации, доклады на конференциях, работы обучающихся. Можно сделать персональную страницу автора на сайте. Часть материалов размещается в сборниках с № ISBN, в т.ч. есть экспресс-сборник с размещением публикаций за 1 день. Есть срочные публикации в Ежедневнике журнала "1 сентября" (ваш персональный журнал за 1 день).

www.v-slovo.ru - Журнал "Верное слово" (периодический журнал, ISSN 2712-8261, регистрация СМИ: ЭЛ № ФС77-79314 от 16.10.2020г.). Размещение статей образовательной и педагогической направленности. Публикации презентаций и докладов на педагогических конференциях. Свидетельство сразу после проверки статьи редакцией.

2. Публикации материалов на сайтах-СМИ:

www.лучшеерешение.рф (регистрация СМИ: ЭЛ № ФС 77 - 64656 от 22.01.2016г.) **-** Публикации педагогических материалов, в т.ч. в сборниках с № ISBN, в т.ч. есть экспресс-сборник с размещением публикаций за 1 день. Оформление статей отдельными файлами.

www.лучшийпедагог.рф (регистрация СМИ: ЭЛ № ФС 77 - 69099 от 14.03.2017г.**) -** Онлайн-публикация педагогических материалов своими руками, в т.ч. в сборниках с № ISBN, в т.ч. есть экспресс-сборник с размещением публикаций за 1 день.

www.publ-online.ru (регистрация СМИ: ЭЛ № ФС 77 - 72035 от 29.12.2017г.**) -** Онлайн-публикация научных, педагогических и творческих материалов своими руками, в т.ч. в сборниках с № ISBN.

www.o-ped.ru (регистрация СМИ: ЭЛ № ФС 77 - 82375 от 10.12.2021г.) **-** Онлайн-публикация педагогических и образовательных материалов своими руками, в т.ч. бесплатные публикации.

3. Книжный магазин издательства на сайте: www.полезныекниги.рф

Образовательный Центр "Лучшее Решение"

проводит дистанционные предметные олимпиады, творческие конкурсы и образовательные квесты для учащихся и для педагогов на сайтах:

конкурс.лучшеерешение.рф – Олимпиады, конкурсы и тесты ОНЛАЙН для учащихся и педагогов.

квест.лучшеерешение.рф – Образовательные квесты и тесты для всех, тесты для педагогов.